

СЕРИЯ
«МИРЫ МАРИНЫ ЭЛЬДЕНБЕРТ»:

МОЙ ЛОРД ИЗ ДРУГОГО МИРА
ДЕВУШКА В ЦЕПЯХ
ЦЕПИ ЕГО ДУШИ
ЗАКЛЯТЫЕ ЛЮБОВНИКИ

БАБОЧКА
НЫРЯЛЬЩИЦА
ЛИАРХА

Марина Эльденберт

ЛИАРХА

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Э53

Эльденберт, М.

Э53 Лиарха / М. Эльденберт. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 532 с. — (Миры Марины Эльденберт).

ISBN 978-5-521-92905-4

Лайтнер К'ярд — сын правителя Ландорхорна.

Я — та, кто угрожает всем устоям мира вьерхов одним лишь фактом своего существования.

Его сила никогда не примет мою так же, как моя не примет его.

Каждое прикосновение — как шаг на пути в пропасть.

Мы разрушаем друг друга.

Мы друг друга убьем.

Это единственное, что мне нужно помнить, когда весь мир окажется во власти огня и штормов.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92905-4

© Марина Эльденберт, текст, 2021
© Елена Сова, дизайн обложки, 2021
© RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Глава 1

Правда, правда и ничего, кроме правды

Мы с Вартасом смотрим друг на друга. Он — последний, кого бы я хотела сейчас видеть, и в то же время он — единственный, кто есть рядом. Сейчас. Когда за моей спиной стоит эта злосчастная банка.

— Зачем ты пришел?

— А ты?

— Это мой дом.

— Это дом, где жила моя девушка.

— Твоя девушка здесь больше не живет.

«Твоя девушка здесь больше не живет».

Я снова поворачиваюсь к банке. Поворачиваюсь так резко, что на миг перехватывает дыхание. Подхожу ближе, и, хотя меньше всего мне хочется брать эту гадость в руки, я все-таки беру. Сигарета тонкая и изящная. Была. До того, как ее подожгли — сейчас это просто окурок с обуглившимися краями и золотистой каймой, которую наполовину сожрал огонь. Тот, кто это сделал, явно обладал извращенным чувством юмора. Или не обладал им вовсе.

У Лэйс никогда не было чувства юмора, но, когда родители играли с нами в прятки, они оставляли подсказки.

Это не похоже на подсказку.

Это больше похоже на предостережение. Или на предупреждение — потому что на нетронутой части сигареты надпись

«Эвесс». Я помню эту марку, помню, как она выглядит: я столько раз видела ее, зажатую между изящных пальцев.

Дженна.

Мертвая бабочка.

Вода.

Дженна.

Клуб «Бабочка».

Нырятьщики.

В голове что-то щелкает, и все становится на свои места: это действительно предупреждение. Но не от Ромины. От Лэйс. Если я правильно понимаю то, что она хочет сказать — она сбежала не от Подводного ведомства. Она сбежала от Дженны. И от тех, с кем работала.

— Что это за дрянь?! — Голос Вартаса вытряхивает меня в реальность и в окончательное осознание случившегося: Лэйс жива.

Лэйс.

Жива!

Я отставляю банку, глядя ему в глаза.

— Нам нужно поговорить.

— Нам определенно нужно поговорить, Вирна. — Вартас берет меня за руку. — Я был слегка не в себе. Из-за всего, что случилось. Твои сестры сказали, где тебя искать. Сказали, что ты на Пятнадцатом, поэтому я здесь. Я здесь из-за тебя.

— Лэйс жива.

— Я... Что?!

— Лэйс жива, — шепотом повторяю я, указывая на стоящую на столе банку. — Это ее рук дело. Она хочет меня предупредить.

— Подожди. Я решительно ничего не понимаю.

Я обхожу его, резко захлопываю дверь.

— Я думала, что это угроза Ромины. И в тот раз, и сейчас — тоже. Но это не так.

Вартас шурится, я указываю ему на стул.

— Слушай. Это действительно предупреждение, но не от Д'ерри. От Лэйс.

Его взгляд становится жестким, а я продолжаю. Продолжаю, понизив голос, потому что мне все время хочется говорить громче, и та радость, которая сейчас бьется во мне осознанием (Моя сестра жива!) заставляет меня говорить все быстрее и быстрее. К тому моменту, как я заканчиваю, Вартас все-таки опускается на стул. Мне хочется увидеть ответную радость в его глазах, но ее нет. Точнее, возможно, она выражается как-то иначе? Она же должна выражаться? Я только что сказала ему, что Лэйс жива!

— Хидрец, — выдает он, когда я замолкаю.

— Что?

— Хидрец, — повторяет он. — Если все так, как ты сказала, это хидрец. Полный.

— Я сказала, что Лэйс жива!

— Лучше бы она умерла! — Он осекается, увидев мой взгляд, поспешно поднимается. — Вирна, я не это хотел сказать. Прости, я сам не понимаю, что несу. Ты... просто ты представляешь, что это значит — для тебя?

— Да! — Я складываю руки на груди. — Да, я отлично представляю, что это значит. Все это время я не представляла, что с ней случилось. Все это время я считала, что моя сестра мертва, а сейчас я узнаю, что она жива. Больше того, она может со мной связаться!

— И говорит тебе, что тебе нужно остерегаться Дженны. А ты уже по уши в этом увязла. Ты на самом дне, Вирна, ты понимаешь? Если Лэйс сбежала, ей было, от чего бежать. Куда бежать тебе? А Митри и Тай? Что ты теперь будешь делать?

Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

— То, что собиралась.

— То, что собиралась? Ты сейчас о чем?!

Я глубоко вздыхаю. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и все объяснить Вартасу. Впрочем, нет. В первую очередь мне нужно объяснить это себе. Он прав — в том, что Лэйс было от чего бежать. Я смотрела запись ее видео, и я видела, как горели ее глаза. Она была с ними, она верила в то, что говорила. Не сомневаюсь, она в это верила, потому что проще заставить океан

отступить от берегов Ландорхорна, чем заставить Лэйс сказать то, во что она не верит. Можно было предположить, что ей угрожали, но я знала свою сестру. И та, кого я знала... словом, эта запись была сделана в то время, когда она действительно им верила. Что произошло потом, я не знаю, но наверняка что-то серьезное.

Мне нужно понять, что именно.

Мне нужно во всем разобраться, чтобы...

— Я должна сделать так, чтобы больше никому не пришлось бегать.

Вартас смотрит на меня, и в его глазах однозначный приговор: «Тронулась умом». Я вряд ли смогу ему объяснить, пока не покажу. Поэтому киваю в сторону двери.

— Пойдем.

— Куда?

— К морю.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас здесь никого нет.

— Вирна, ты меня пугаешь.

Я пожимаю плечами и иду к двери. Ему не остается ничего другого, кроме как следовать за мной.

— Вирна, что происходит?

— Увидишь.

— Увижу?!

Мы удаляемся все дальше от того, что принято называть жизнью. И нет, я не боюсь, что кто-то нас заметит и донесет, сейчас весь Пятнадцатый на рабочих сменах или спит после них. А если кто-то вдруг даже случайно нас увидит, предпочтет быстро об этом забыть. На Пятнадцатом ненавидят существующий режим слишком сильно, чтобы рассказать о девчонке с парнем, которые решили уединиться на пустынном берегу.

Я прохожу по берегу чуть дальше, чем в прошлый раз, когда была одна. Приближаюсь к воде.

Ее сила ударяет мне в пальцы, стоит коснуться кромки набегающей пены. Сейчас я не могу это видеть, скорее, ощущаю, как она отражается в моих глазах и вспыхивает в самой глубине

моего существа. Море отзывается на мое прикосновение, тянется ко мне, а потом, подчиняясь незнакомой, неизведанной сути во мне, поднимается, как край покрывала. Раньше, чем я успеваю что-то почувствовать, этот край рассыпается, окатив меня пенными брызгами.

— Это что, к едхам, такое? — спрашивает Вартас. — Это...

Он осекается, когда я поворачиваюсь к нему: замирает, глядя в мои глаза. Я же просто отвечаю:

— Это я.

— Ты? — переспрашивает он, как будто не может поверить своим глазам.

Я его очень хорошо понимаю: еще несколько часов назад я сама не могла им поверить. Буквально.

— Та волна на берегу. Это тоже была я. — Я сажусь на холодные камни, глядя на него снизу вверх. — До сегодняшнего дня это прорывалось только от эмоций.

— Как такое вообще возможно?!

Вартас опускается рядом со мной.

— Не знаю. Но я живое тому доказательство.

Какое-то время мы сидели молча. В звенящую тишину вокруг нас врывается только шум моря, глубокий и ровный, гул накатывающих на берег волн, отступающих и слизывающих пенным языком камни.

— Та легенда, о которой ты мне рассказывала...

— Это просто легенда. По крайней мере, я так думала, — теперь я вообще ложусь. Подкладываю под голову камень покрупнее и не такой острый, как остальные.

— Что ты думаешь теперь?

Я смотрю на небо. Яркое, с лезвиями холодных осенних облаков.

— Думаю, что я лиарха. Или что-то вроде. Не знаю, насколько легенды говорят правду, но вода подчиняется мне... и у меня аллергия на вьерхов.

Последнее я выдыхаю со смешком. Мне хочется закрыть глаза ладонью, потому что глаза от яркого солнца слезятся просто не-

выносимо. Да, они слезятся от ветра и яркого света, ничего кроме. Потому что что-то кроме в сложившейся ситуации было бы просто смешно. Пусть я и признаю свои чувства к К'ярду, будущего у них нет. Я всегда придумывала себе столько сложностей — вроде того, что он сын правителя Ландорхорна, а я калейдоскопница, что я человек, а он вьерх... но я даже не представляла, что могу наткнуться на нечто гораздо более существенное.

В частности, на то, что наша сила несовместима.

Или, попросту, мы вытягиваем ее друг из друга. Теперь, после всего, я уже не была уверена, что его опустошил океан. Скорее всего, это тоже была я.

Потому что именно мне он в ту ночь спасал жизнь.

И именно рядом со мной его сила утасла.

— Я собираюсь рассказать Дженне.

— Что?! — Вартас произносит это так, что на миг перекрывает даже шум моря.

— Она хочет знать, что я полностью на ее стороне. И я дам ей возможность думать, что это так.

— Вирна, это...

— Глупость? Может быть. Но о моей аллергии на вьерхов знают по меньшей мере трое. Не считая тебя. Я не знаю, как скоро эта новость дойдет до правителя Ландорхорна, но, когда она дойдет, бежать мне будет уже некуда.

Честно говоря, я не уверена, что уже не дошла. Доктор, к которому меня отвозил Лайтнер, весьма заинтересовался моим случаем. Не уверена, что он понял, что к чему — судя по его реакции. То ли я действительно исключение из правил, то ли он отлично владел собой. Но если он отлично владел собой, а сразу после моего ухода сообщил бы обо всем Дигтхарду К'ярду, скорее всего, я бы сейчас не лежала на этом берегу. А Митри и Тай не сидели бы в кафе, поэтому вывод напрашивается один: для доктора я такая же загадка, как для Лайтнера, Кьяны... и для себя.

Вьерхи обо мне не знают.

Точнее, они действительно считают лиархов легендами. И это еще одна загадка, по крайней мере, для меня — если

